

Сидит как этот самый...:
о трех витках идиоматизации местоимения *самый*
в русской повседневной речи

Наталья В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, n.bogdanova@spbu.ru

Сунь Сяоли
Юго-Восточный университет,
Нанкин, Китай, sunxiaoli_smile@163.com

Аннотация. Функционирование слова *самый* рассматривается в статье с использованием *методики веерного шкалирования*, что позволяет увидеть действие таких активных процессов устной речи, как *грамматикализация*, *ресемантизация*, *идиоматизация* и *прагматикализация*. Внимание в исследовании уделяется трем виткам идиоматизации, которые обнаруживает данная методика. На первом витке (IDIOM¹) идиоматизации подвергается форма суперлатива, сама ставшая результатом процесса грамматикализации: *самое плевое дело, в самом черном виде*. На втором витке (IDIOM²) местоимение *самый* в сочетании с существительными, наречиями, глаголами, междометиями и даже с идиомами становится компонентом наречного или иного устойчивого выражения: *по самую шею, по самое покорно благодарю*. Наконец, третий виток идиоматизации (IDIOM³) обнаруживается уже после того, как сочетание *это самое* подверглось прагматикализации и стало реализовывать в устном дискурсе функции хезитатива, самокоррекции, стартового разграничительного маркера и некот. др. Фактически здесь мы имеем дело с устойчивым оборотом, свойственным только разговорной речи и выражающим в разных контекстах разное, зачастую трудноопределимое, значение. Наблюдения над корпусным материалом показывают, что конструкция *как это самое* (в разных грамматических формах) без искомого имени существительного носит подчеркнуто разговорный характер и встречается как в устной речи, так и в ее имитациях в художественных текстах. Полученные результаты могут быть полезны как в теоретическом (коллоквиалистика и когнитивистика), так и в практическом (преподавание РКИ и практика перевода) аспектах.

Ключевые слова: грамматикализация, прагматикализация, идиоматизация, устойчивое выражение, веерное шкалирование

© Богданова-Бегларян Н.В., Сяоли С., 2024

Для цитирования: Богданова-Бегларян Н.В., Сунь Сяоли. Сидит как этот самый...: о трех витках идиоматизации местоимения *самый* в русской повседневной речи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 136–146. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-136-146

Sidit kak etot samyi...
about three rounds of idiomatization of the pronoun *samyi*
in Russian everyday speech

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, n.bogdanova@spbu.ru

Sun Xiaoli
Southeast University,
Nanjing, China, sunxiaoli_smile@163.com

Abstract. The functioning of the word *samyj* is considered in the article using the fan scaling technique, which allows one to see the action of such active processes of oral speech as *grammaticalization*, *resemantization*, *idiomatization*, and *pragmaticalization*. The study focuses on three rounds of idiomatization, which this technique reveals. In the first round (IDIOM¹) of idiomatization, the form of the superlative undergoes idiomatization, itself having become the result of the process of grammaticalization: *samoe plevoe delo, v samom chernom vide*. In the second round (IDIOM²), the pronoun *samyj* in combination with nouns, adverbs, verbs, interjections, and even with idioms becomes a component of an adverbial or other stable expression: *po samuyu sheyu, po samoe pokorno blagodaryu*. Finally, the third round of idiomatization (IDIOM³) is observed after the combination *eto samoe* has undergone pragmaticalization and started to realize the functions of hesitation, self-correction, a starting boundary marker, and some others in oral discourse. In fact, here we deal with a set expression, typical only for spoken language and expressing in different contexts a different, often hard-to-define, meaning. Observations over corpus material show that the construction like *eto samoe* (in different grammatical forms) without the sought-after noun has a distinctly conversational character and is found both in oral speech and in its imitations in artistic texts. The findings might be useful both in theoretical (colloquialistics and cognitive science) and in practical (teaching RFL and translation practice) aspects.

Keywords: grammaticalization, pragmaticalization, idiomatization, stable expression, fan scaling

For citation: Bogdanova-Beglarian, N.V., Sun Xiaoli (2024), “*Sidit kak etot samyi...*: about three rounds of idiomatization of the pronoun *samyi* in Russian everyday speech”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 136–146. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-136-146

Введение

Повседневная устная речь (УР) привлекает все больше внимания лингвистов разных направлений своим качественным своеобразием, вступающим порой в противоречие с литературно-письменным языком на всех уровнях его описания. Это своеобразие связано, в частности, с диффузностью и нестабильностью УР, ее способностью постоянно меняться, «откликаясь» на изменения в социуме, который использует ее в ходе коммуникации, ср.: «Изменения в языке – универсальное явление, признак развития (жизни!) данной языковой системы» [Бондарко 1981, с. 5].

Языковые преобразования имеют непосредственное отношение к ряду активных процессов современной повседневной речи, которые зачастую способствуют изменению категориального статуса той или иной единицы. В этой связи особый интерес представляют такие процессы, как *грамматикализация*, *ресемантизация*, *идиоматизация* и *прагматикализация*. Все они действуют на синхронном срезе одновременно и самым очевидным образом связаны друг с другом, а внимание к результатам этих процессов позволяет увидеть многообразие функциональных возможностей любой единицы. Их исследование выявляет специфику речевого лексикона и речевой грамматики.

Важно и еще одно соображение, связанное с УР и ее единицами, ср.:

В последнее время вновь становится популярной мысль о том, что целесообразно отказаться от «прокрустова ложа» четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов [Арутюнова 1965, с. 89].

В настоящем исследовании для описания особенностей функционирования в УР местоимения *самый* используется *веерная шкала переходности* (цепочки веерных преобразований) [Сунь Сяоли 2021], позволяющая увидеть все действующие одновременно и тесно связанные между собой активные процессы русской речи, а также специфику функционирования исследуемой единицы на

каждом векторе предложенной шкалы¹. Особое внимание в настоящей работе уделяется трем виткам идиоматизации, которые обнаруживает данная методика.

О речевых клише и их разнообразии

Как показывают корпусные исследования, наша повседневная УР богата идиоматикой чрезвычайно.

Наличие в речевой практике говорящих на любом языке большого числа устойчивых повторяющихся выражений – факт сам по себе хорошо известный. Феномены такого рода, определяемые как «идиомы», «устойчивые сочетания», «речевые формулы», «речевые штампы», «клише», находят в этом качестве определенное место в любом описании языка [Гаспаров 1996, с. 121].

Более того, те же корпусные исследования показывают, что можно, по-видимому, говорить о двух типах *клише* (как в диалоге, так и в монологе):

1) осознаваемые носителями языка, лексически значимые и кодифицированные, зафиксированные в словарях и справочниках; в лексических минимумах для иностранцев (на высоком уровне РКИ), а сегодня еще и в «Русском конструктиконе»² или в «Прагматиконе»³;

2) не осознаваемые носителями языка, реализуемые на уровне речевого автоматизма, очень частотные, значимые прагматически, но не лексически, свойственные речи практически любого говорящего и зафиксированные только в специальном словаре прагматических маркеров (ПМ)⁴:

вот (...) вот, скажем так, или как его (её, их, там, это), вроде того что, или что, или там, это самое и под.

¹ Ср. сходные рассуждения Р.Р. Шамсутдиновой о природе лексемы *ничего*, в ходе которых автор отмечает ее диффузность и синкретизм и показывает, что «поэтапные “веерные” преобразования и есть реализация ее местоименной сущности» [Шамсутдинова 2019, с. 227].

² URL: <https://constructicon.github.io/russian>

³ URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru>

⁴ Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Единицы второго типа можно рассматривать как своего рода «внутренние клише» (как внутренняя речь); они отличаются устойчивостью, частотностью, воспроизводимостью в речи многих говорящих и помогают им преодолевать различные речевые затруднения, возникающие в ходе спонтанного речепорождения (ср.: [Сян Янань 2024]). Эти единицы, определяемые коллоквиалистической как *прагматические маркеры*, являются результатом процесса *прагматизации*, а маркер *это самое*, один из наиболее частотных в нашей УР⁵, попадает еще и под действие процесса *идиоматизации* и становится основой фразеологизма *как это самое*. Именно эта единица и стала предметом исследования в настоящей работе.

Источники материала и верная шкала переходности для слова САМЫЙ

Верная шкала переходности для слова *самый* была построена на материале ряда корпусов: повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека», устного (УП), основного (ОП) (речь персонажей, стилизованная под реальную разговорную) и мультимедийного (МУРКО) подкорпусов Национального корпуса русского языка. На семи векторах этой шкалы можно видеть, как изменяется категориальная сущность слова *самый* под действием разных активных процессов устной речи (см. рис.).

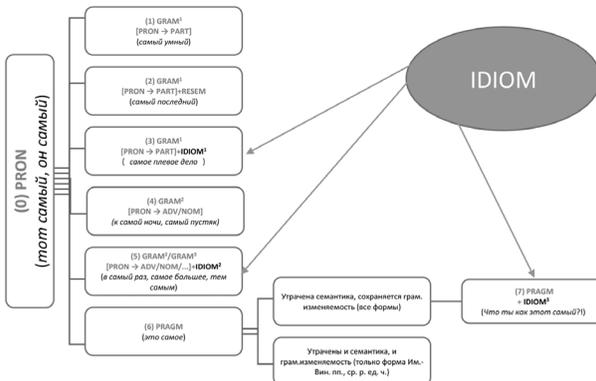

Рис. Верная шкала переходности для слова *самый*

⁵ Данный маркер имеет ранг 11 в частотном списке 60 прагматических маркеров русской повседневной речи, см: Прагматические маркеры русской повседневной речи... С. 54.

На трех из семи векторов данной шкалы представлены результаты идиоматизации исследуемой единицы. Рассмотрим этот материал подробнее.

Первый виток идиоматизации (IDIOM¹)

На первом витке шкалы идиоматизации подвергается форма суперлатива, сама ставшая результатом процесса грамматикализации (GRAM¹ + IDIOM¹) (0,3% пользовательского подкорпуса):

- ну д()д() не() двадцать ни у кого не работало / **самое большое** это @ пятнадцать по-моему // @ десять процентов / максимум / о чём это говорит / о том / что наш мозг ещё в масштабах вселенной спит (ОРД)⁶;
- эта встреча закончится где-то без четверти восемь / но ... *П **самое позднее** в восемь (ОРД);
- ну () этикетка да ? и там значит (э) (м) есть (э) (ОРД);
- мне кажется что **самое важное** это чтобы ... (ОРД).

Второй виток идиоматизации (IDIOM²)

Второй виток идиоматизации обнаруживается после очередной грамматикализации: в сочетании с существительными, наречиями, глаголами, междометиями и даже с идиомами слово *самый* становится компонентом наречного или иного устойчивого выражения (GRAM³ + IDIOM²) (25,9%):

- который бы болтался там / на сцене (...) каким-то образом // @ колючая проволока / я вообще хотела с **самого начала** её сделать // вот смотрите / что можно сделать (ОРД);
- да я не знаю **на самом деле** какие / я просто сказала / что в голову пришло / там просто про Дунай\$ идёт речь / «на речке Дунае\$...» (ОРД);
- (а-а) **тем самым** / ну / доверяет как бы ему / да / доверяет ему видение / да / опять же // @ угу (ОРД);
- он не очень приторный / мне нравится что он не очень приторный / не очень жирный **самое то** // @ *Н // а нежный мягкий (ОРД);
- не // # смотри на Серёгу% и делай **то же самое** (ОРД).

⁶ Об особенностях орфографического представления (дискурсивной транскрипции) материала ОРД см.: [Русский язык 2016, с. 242–243].

Третий виток идиоматизации (IDIOM³)

На третьем витке шкалы идиоматизации подвергается результат прагматикализации местоимения *самый* – прагматический маркер *это самое*, в результате рождается устойчивый сравнительный оборот («внутреннее клише») *как это самое*:

- 1) *и вот // Лукашенко сидел там как этот самый* [значит] *и все вывешивали там флагами этими* (САТ);
- 2) *И при ней сказано: «Убийцы, душегубцы, святотатцы, воры, обманщики, негодяи и все подобные им люди должны жить в таких мрачных домах, как этот самый»* (ОП);
- 3) *Ему уже говорят / ты определись / что ты вообще там как это самое* (УП);
- 4) *И голос такой грубый был «га-га»/ как это самое* (УП);
- 5) *Мнение еще не изменилось еще потому что по поводу наших каких-то событий журналисты не страдают/ сообщают как это самое. А после 11 сентября их показывали они все так страдали/ сочувствовали* (УП);
- 6) [Солнце, жен] *Если тебе хочется / чтобы я тебя поревновала... / ну извините / ну никак...* [Май, муж] *Ты как эта самая...* (УП).

Любопытно, что в наиболее естественной устной речи (корпус ОРД) и в речи кино (подкорпус МУРКО, имитация естественной речи) подобных оборотов пока не нашлось. Такое сближение УР и речи кино не случайно, поскольку кинодиалогу присуща известная двойственность:

...он не спонтанный, но должен казаться таковым; он фиксирован, но должен казаться таким же эфемерным, как и речь, которую он имитирует [Духовная 2014, с. 23].

Таким образом, связь между появлением рассматриваемого устойчивого оборота и степенью спонтанности/естественности устной речи не очевидна, хотя и несомненно предполагается.

Из примеров видно, что конструкция *как это самое* идиоматизируется в разных своих грамматических формах.

ПМ *это самое* в повседневной речи – прежде всего поисковый вербальный хезитатив⁷, а в составе сравнительной конструкции с союзом *как* поиск уже и не предполагается.

⁷ Прагматические маркеры русской повседневной речи... С. 435–458.

Наблюдения и выводы

Как это самое – несомненный устойчивый оборот («внутреннее клише»), свойственный только разговорной речи. Он выражает в разных контекстах разное, зачастую трудноопределимое, значение (в перспективе возможен лингвистический эксперимент на понимание контекстов с этим оборотом разными группами носителей языка и инофонами). Вероятное значение этого фразеологизма – обобщенная отрицательная характеристика предмета речи (обычно человека) на основе его действий. Конструкция *как это самое* без искомого имени существительного носит подчеркнуто разговорный характер и встречается как в реальной УР, так и в ее имитациях в художественных текстах.

В целом корпусный подход к отбору и систематизации речевого материала создает благоприятные условия для описания подобных единиц в рамках даже не **лексикографии**, а **речеграфии** [Приемышева 2020, с. 58]. На корпусном материале, с использованием методики веерного шкалирования, в настоящем исследовании удалось «проверить» реальную представленность в устной повседневной русской речи всех «словарных» и «несловарных» функционально-семантических типов слова *самый*.

Полученные данные позволяют создать своего рода «лексикографический портрет» слова *самый* и могут быть полезны в разных аспектах, как теоретическом – коллоквиалистика и когнитивистика, так и практическом – преподавание РКИ, практика перевода русских художественных текстов на другие языки или создание искусственного интеллекта.

Литература

- Арутюнова 1965 – Арутюнова Н.Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов / В.М. Жирмунский, О.П. Суник (ред.). М. -Л.: Наука, 1965. С. 89–93.
- Бондарко 1981 – Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 200 с.
- Гаспаров 1996 – Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Духовная 2014 – Духовная Т.В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского гос. технол. ун-та. 2014. № 3. С. 22–25.
- Приемышева 2020 – Приемышева М.Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь

- как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): Тезисы докладов междунар. конф. (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020).
- Русский язык 2016 – *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Сунь Сяоли 2021 – *Сунь Сяоли*. Слово *САМЫЙ* на веерной шкале переходности (по данным речевого корпуса) // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сб. статей по материалам II Междунар. научно-практ. конф., посвященной памяти С.Г. Стерлигова / Отв. ред. Н.А. Воскресенская. Н. Новгород: Нижегородский ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 241–246.
- Сян Янань 2024 – *Сян Янань*. О функциях маркера *туда там* в русском устном дискурсе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2024. № 8. С. 147–156.
- Шамсутдинова 2019 – *Шамсутдинова Р.Р.* «Верная» переходность местоимения *ничего* // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: Сб. научных трудов Междунар. науч. симпозиума / Ред. В.Н. Степанов, Л.В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 221–228.

References

- Arutyunova, N.D. (1965), “On the Criterion of Distinguishing Analytical Forms”, Zhirmunsky, V.M. and Sunik, O.P. (eds.), *Analiticheskie konstruktivii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical Constructions in Languages of Various Types], Nauka, Moscow, Leningrad, pp. 89–93.
- Bondarko, L.V. (1981), *Foneticheskoe opisaniye yazyka i fonologicheskoe opisaniye rechi* [Phonetic Description of Language and Phonological Description of Speech], LGU, Leningrad, USSR.
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Russian Language of Everyday Communication. Features of Functioning in Different Social Groups]. A collective monograph, LAYKA, St. Petersburg, Russia.
- Gasparov, V.M. (1996), *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Linguistic Existence], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Dukhovnaya, T.V. (2014), “Movie discourse: correlation with the notion of a living speech discourse”, *Vestnik Maikopskogo gos. tekhn. un-ta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], no. 3, pp. 22–25.
- Priemysheva, M.N. (2020), “Colloquial Lexicon vs Colloquial Speech. Trends and Issues of Lexicographic Description”, Krysin, L.P. (ed.), *Povsednevnyaya rech kak*

obyekt leksikografii [Everyday Speech as an Object of Lexicography] Theses of reports of the international conf. February 23–25, 2020], In: *t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moscow, Russia*, pp. 58-59, available at: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf>.

Sun, Xiaoli (2021), “The Word SAMYI on the Fan Scale of Transitivity (Based on Speech Corpus Data)”, Voskresenskaya, N.A. (ed.), *Yazyki i kul'tury: funktsionalno-kommunikativnyii lingvopragmaticeskii aspekty* [Languages and Cultures. Functional-Communicative and Linguopragmatic Aspects], Collection of articles based on the proceedings of the II International Scientific and Practical Conference commemorating S.G. Sterligov], Nizhny Novgorod Lobachevsky, State University, N. Novgorod, Russia, pp. 241–246.

Xiang, Yanan (2024), “On the Functions of the Marker *tipa tam* in Russian Oral Discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 147–156.

Shamsutdinova, R.R. (2019), “Fan-like Transitivity of the Pronoun *nichego*”, Stepanov, V.N., Ukhova, L.V. (eds.), *Russkaya grammatika: aktivnyye protsessy v yazyke i rechi* [Russian Grammar. Active Processes in Language and Speech, Collection of scientific works of the International Scientific Symposium], RIO YGPU, Yaroslavl, Russia, pp. 221–228.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Acknowledgements

The work was carried out under the Russian Science Foundation grant (project № 22-18-00189 “Investigating the Structure and Functioning of Consistent Multi-Word Units in Everyday Russian Speech”).

Информация об авторах

Наталья В. Богданова-Бегларян, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; n.bogdanova@spbu.ru

Сунь Сяоли, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт иностранных языков, Юго-Восточный университет, Нанкин, Китай; 211102, Китай, Нанкин, район Цзянин, ул. Юго-восточного университета, д. 2, sunxiaoli_smile@163.com

Information about the authors

Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; n.bogdanova@spbu.ru

Sun Xiaoli, Cand. of Sci. (Philology), senior lecturer, Institute of Foreign Languages, Southeast University, Nanjing, China; bld. 2, Southeast University Street, Jiangning District, Nanjing, China, 211102; sunxiaoli_smile@163.com